

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина
СЕРОВА

Дом трех

ВДОВ

МОСКВА

2 0 1 9

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С32

Оформление серии *А. Старикова*

Редактор серии *Т. Масленникова*

Серова, Марина Сергеевна.

С32 Дом трех вдов / Марина Серова. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-104420-6

Убит Кирилл Ганецкий — давний возлюбленный телохранителя Евгении Охотниковой. Она находит его прощальное письмо с просьбой отыскать убийцу и список подозреваемых. Чтобы выполнить последнюю волю покойного, Женя хитростью проникает в его дом, а также пытается заручиться поддержкой всех бывших жен Кирилла, которые совсем не так просты. Вскоре Женя выясняет, что за день до смерти Ганецкого был угнан его «Ягуар» — горячо любимый хозяином автомобиль...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104420-6

© Серова М.С., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Он завещал, чтобы его кремировали, а пепел развеяли над водой.

Река в это день была серо-стальной, мрачной, ледяной даже на вид — не хотелось в нее погружаться ни живому, ни мертвому. Впрочем, ему было уже все равно. А нам предстояло выполнить условие его завещания.

Палуба яхты мерно покачивалась под ногами. Элегантные холеные дамы в трауре и солидные господа провожали Кирилла Ганецкого в последний путь. Все у него было первоклассное — автомобили, трубки, костюмы, жены, яхты.

Вот и этот корабль был зримым воплощением богатства. Не какая-нибудь хрупкая скорлупка с парусом, а солидная металлическая посуда с двумя двигателями, застекленной просторной каютой и вышколенной командой.

Места на палубе хватило всем родным и близким покойного. Таковых насчитывалось двенадцать человек. Не считая меня, конечно.

Тринадцатый гость на этой траурной церемонии, я стояла с фарфоровой урной в руках. Лица присутствующих были бледны до зелени — от холода, качки и печали по усопшему. Или от ненависти к нему?

— Не понимаю, к чему такой странный ритуал! — Голос вдовы номер два взлетел до истерических нот. — Почему нельзя было лечь в землю, как все нормальные люди?! Вот вечно он выделялся!

Родные и близкие старательно отводили взгляды. Всем хотелось побыстрее закончить с неприятной церемонией, но никто не желал первым этого показать.

Я резко выдохнула и сказала:

— Думаю, пора начинать.

Все с облегчением перевели дыхание, задвигались и принялись тихо переговариваться.

Оставалось всего одно, крайне неприятное дело, а потом можно было уйти в тепло стеклянной каюты, протянуть руки к обогревателю. Впереди поминальный обед в лучшем ресторане города — сдержанно, пристойно, достойно дорогого, состоятельного покойного. Нашего общего друга, так его...

Я обвела взглядом лица вдов. Все три не отрываясь смотрели на урну у меня в руках.

— Итак? — поторопила я скорбную троицу.
Вдова номер один подняла глаза к серому небу,

едва заметно улыбнулась и кивнула. Вдова номер два резко дернула головой — оставалось принять это за знак согласия. Вдова номер три хлопнула в платочек.

Я прикинула, откуда дует ветер, открыла тугую крышку и одним точным движением высыпала пепел. По моим расчетам, он должен был улететь за корму и растаять над водой в белом пенном следе за яхтой. Но именно в этот момент ветер вдруг резко изменил направление, и пепел полетел прямо на нас. Несколько секунд все стояли, моргая, тарашась на почерневшие лица друг друга и пытаясь осознать происшедшее.

Наконец вдова номер два разразилась истерическим смехом. Вынула белоснежный платочек, сплюнула в него хрустнувший на зубах пепел и высказала вслух то, что думали все присутствующие:

— Вот сволочь! Он всегда нас ненавидел...

ГЛАВА 1

«Вика, я тебя люблю!!!»

Надпись на ржавой стене гаража была снабжена тремя восклицательными знаками и ужасно раздражала.

Слякотный март только начался, что тоже не улучшало настроения. В марте наш провинциальный городок Тарасов превращается в одну сплошную лужу. Это значило, что о ежедневных пробежках придется забыть надолго. Шлепать по грязи — удовольствие так себе. Мой тренированный организм нуждается в постоянных нагрузках. Если я не бегаю и не тягаю железо в спортзале, начинают ныть суставы, дает о себе знать травмированное когда-то давно при прыжке с парашютом колено, я вспоминаю, что мне уже не восемнадцать, что молодость проходит, а характер мой, и без того сложный и непредсказуемый, становится совсем уж невыносимым... Из затяжной весенней депрессии меня может вывести только работа — тогда я отвлекаюсь, понимаю, что нужна кому-то, в очередной раз

осознаю, какой я крутой профессионал в своем деле, — а там, глядишь, все и налаживается.

Но сейчас, как назло, никакой работы не предвиделось. Дело в том, что я, Евгения Охотникова, единственная в нашем городе женщина-телохранитель. Служба в отряде особого назначения «Сигма» осталась в прошлом, сейчас я востребованный профи с неплохим, по провинциальным меркам, доходом и еще более впечатляющим послужным списком.

Чего стоит только одно дело «Цифровой леденец»! А кто, как не я, доставил за границу в целости и сохранности мальчишку-аутиста, по совместительству гения преступного мира? В общем, есть что вспомнить, есть чем гордиться... Но сегодня я сижу у окна в своей комнате, и челюсти мне сводит тоска.

Ночью я вернулась с Ямайки. После золотых пляжей слякотная весна средней полосы нагоняет печаль.

А тут еще эта дурацкая надпись: «Вика, я тебя люблю!!!» Может, выйти и стереть? Надпись появилась вчера — какой-то влюбленный расплыл краску из баллончика и увековечил свою любовь к Вике, скорее всего, такой же дурочке, как и он сам. Все влюбленные — идиоты. Почему я должна смотреть на это? Ядовито-зеленая краска портит мне весь вид из окна! Но так неохота натягивать кроссовки и тащиться во двор...

Решительным жестом я задернула занавеску и тем самым устранила проблему, хотя бы на время.

Признайся себе, Охотникова, — тебя так раздражает эта безобидная надпись, потому что у тебя самой на любовном фронте затишье. Да, знаю, есть на свете человек, который, стоит мне только поманить, прыгнет в самолет и примчится ко мне, готовый разделить мою жизнь, носить меня на руках и вытирать сопли нашим общим детишкам. Вот только я к этому не готова. Моя профессия, моя налаженная приятная жизнь, да что там — моя свобода мне дороже всего на свете.

Слишком высокую цену мне пришлось за нее заплатить.

Телефон зазвонил внезапно, оторвав меня от воспоминаний. «Джама-а-айка!» — завопил Робертино Лоретти. Так, отпуск закончился, надо бы сменить рингтон.

— Охотникова, — бросила я в трубку.

— ...сволочь, дрянь! — донеслось до меня издалека. — Радуйся, ты своего добилась! Он умер. Его убили.

— Простите, с кем я говорю? — осторожно спросила я, отводя телефон подальше от уха. Может быть, кто-то просто-напросто ошибся номером и поток ругани предназначался не мне?

— Охотникова, мало того что ты идиотка, каких поискать, так у тебя еще и со слухом проблемы? — надрывался хриплый женский голос.

— Добрый вечер, Ника, — устало вдохнула я. Надо же, а я надеялась, что больше никогда не услышу эти характерные интонации торговки на Привозе...

— Ни хрена не добрый, — со злым торжеством проговорила моя давняя знакомая. — Киру убили.

Я не стала задавать дурацких вопросов: «Ты уверена? Это точно?», восклицать: «О нет, не может быть!»

Мое сердце пропустило два удара. Потом я откашлялась и задала единственный вопрос:

— Кто это сделал?

Да, знаю, можно было спросить «Когда?» или «Как это случилось?». Но у меня еще будет время выяснить это. А пока о главном.

Вопрос был предельно простым, но поставил мою собеседницу в тупик. Ника замолчала и молчала долго — минуты две. Я терпеливо ждала. Если эта женщина решилась позвонить мне после трех лет молчания, значит, у нее есть веская причина для этого.

Наконец у Ники нашлись слова:

— Знаешь, Охотникова, когда я смогу ответить на этот вопрос, то сама задушу гада голыми руками.

— Зачем звонишь?

— Слушай, неужели ты не в курсе? — поразилась Ника. — Весь город гудит. Только об этом и говорят.

— Я только что вернулась. Зачем звонишь?

— Стерва ты, Евгения, — мирно сказала женщина. — И что Кира в тебе нашел?

— М-м, давай подумаем. Модельную внешность и чуткую душу?

Ника еще помолчала, потом устало проговорила:

— Звоню, чтобы позвать тебя на похороны.

— Да ты с ума сошла? — вскипела я. — Там и так будут три вдовы! Только меня не хватало. Тогда уж зови всех — эту, как ее... балерину, и ту, заводчицу бульмастифов, и училку из гимназии... Список получится длинный.

— Знаешь, я всегда тебя ненавидела, — вздохнула женщина.

— Спасибо, я в курсе, — усмехнулась я. Боль копошилась где-то в районе сердца, но я чувствовала себя как будто под анестезией. Больно будет потом.

— Дай сказать. Ненавидела, потому что знала — ты для Кирилла особенная. Не такая, как эти.

— Так, давай заканчивать, — жестко проговорила я. — Позвони как-нибудь потом. Преддимся воспоминаниям. Сейчас, извини, не могу.

— Погоди, не бросай трубку! — заторопилась Ника. — Ты не поняла — это просьба Киры. Он хотел, чтобы именно ты развеяла его пепел над Волгой.

— Он хотел... что? — Я не поверила своим ушам.

— Кирилл оставил четкие указания, как поступить в случае его смерти, — терпеливо пояснила женщина. — Ты же его знаешь. Каждую мелочь просчитал. Завещание оставил, все как полагается. И распоряжения. Все в юридической фирме «Басов и Ларионов».

— Солидная контора, — поневоле признала я.

— Кира Ганецкий признавал только все самое лучшее! — с некоторой гордостью сообщила Ника. — Так что нам ничего не оставалось, как сделать все точно по инструкции.

— Что... сделать? — осторожно поинтересовалась я.

— Как только нам выдали тело, мы Киру кремировали, — деловито сообщила Ника. — Он сам так хотел. Осталось выполнить его последнюю волю — развеять прах над водой.

Перед глазами возникло лицо Ганецкого — неправильное, но обаятельное, похожее на морду добродушного льва, с желтовато-зелеными глазами навывкате, сочными чувственными губами. Не могу поверить, что никогда больше не увижу его.

— Ну так развейте, — холодно сказала я.

— Ты снова не поняла. Кирилл четко оговорил, что поручает это тебе. Никому, кроме тебя, доверить это он не хотел.

Как будто стальное кольцо сжало мне горло.

— Я приду, — прохрипела я в трубку и прервала связь.

Вот так и получилось, что некстати налетевший порыв ветра засыпал пеплом не только трех вдов и нескольких друзей Кирилла Ганецкого, но и меня, Евгению Охотникову.

Кстати, урну дорогой покойник завещал мне.

Наверное, потому, что точно знал — я бы от него и копейки не взяла, ржавой скрепки не приняла бы в подарок после всего, что было...

Но урна — дело другое.

На поминки я не поехала. Не желаю сидеть в компании незнакомых или, того хуже, знакомых, но малоприятных мне людей и обсуждать умершего. Ганецкий, конечно, редкостная скотина и со мной поступил по-свински, но было время, когда я любила этого человека.

Я засыпала рядом с ним и просыпалась счастливая. Мы вместе жили, вместе путешествовали. Кирилл был, что называется, «человек-праздник». Он умел сделать жизнь... необычной. Интересной. «Серые будни» с ним становились вовсе не серыми.

«На большом воздушном шаре мандаринового цвета мы с тобой проводим это лето...» Наше лето длилось почти два года.

Мы познакомились на приеме — загородный дом, гости в легких вечерних нарядах. Я была «при исполнении» — сопровождала клиента. Разумеется, я не стала надевать берцы и камуфляж, а изображала спутницу охраняемого объекта. На мне был белый брючный костюм, при себе имелся пистолет в сумочке. Поскольку я пришла сюда не отдохнуть, а работать, то весь вечер я сканировала периметр и обращала мало внимания на гостей — я знала, что чужих тут нет, все приглашенные — друзья хозяина, а значит, опасность с их стороны моему клиенту не угрожает. Мой охраняемый объект веселился вовсю, флиртуя с хозяйкой дома и другими дамами, а я бдительно следила за тем, кто подходит к нему.

На таких мероприятиях я обычно беру бокал с шампанским, чтобы не выделяться из толпы, и медленно перемещаюсь, следя, чтобы объект всегда оставался в поле моего зрения.

Но в этот раз привычный распорядок был нарушен. В середине вечера кто-то вынул из моей руки бокал с выдохшимся шампанским и протянул мне свежий. Я отметила белоснежный манжет и рубиновую запонку.

— Вам не стоит это пить, — произнес негромкий мужской голос. — Кроме того, такая красивая гостья не должна скучать одна. Кто вы, прекрасная незнакомка?